Ноябрь 1924

Цена 25 коп.

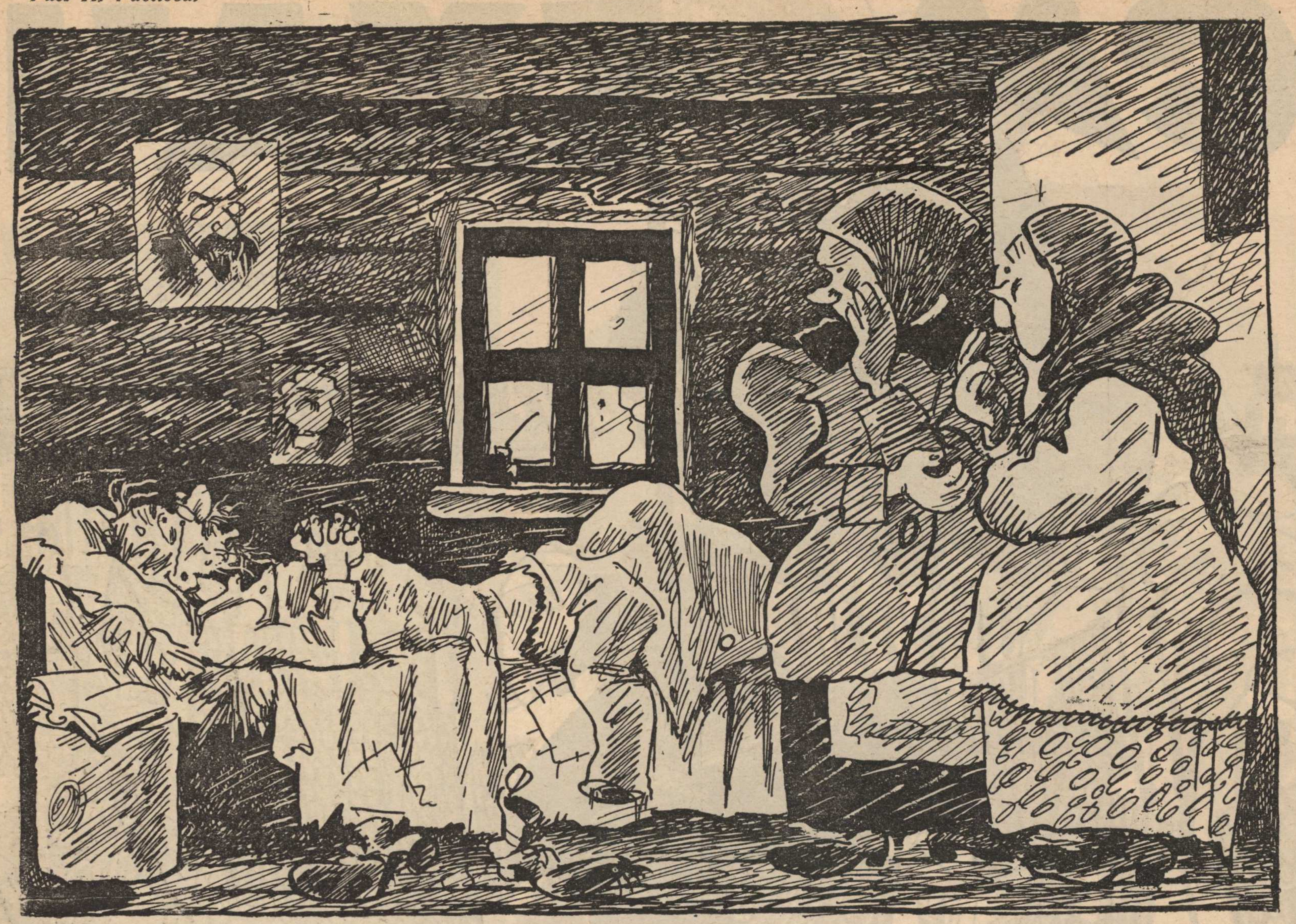
У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ.

В странах Западной Европы — повсеместное наводнение.

Лорд (спасаясь от воды): Так и знал, что это дело рук коммунистов: сначала письмо, а потом наводнение!..

НЕРВНОЕ ПОТРЯСЕНИЕ

Рис. Н. Радлова.

— И с чево это, бабоньки, учитель-то слег?
— Сон ему страшный приснился—будто зарплатют ему за полгода вперед.

ТЕОРИЯ ПРОФЕССОРА ОЗЕРОВА.

(Письмо в Берлин).

В Берлине проф. Озеров рекомендует бело-эмигрантам пересмотреть свое отношение к большевизму, возвращаться на родину и работать на пользу страны, даже если нужно — „подкраситься под большевика".

Через месяц по приезде в СССР, Коко Бездаркин писал письмо в Берлин:

— Дорогая Лулу!

Ты помнишь мое решение следовать теории нашего уважаемого профессора Озерова? И я решил оказаться плю роялист, ке ле руа мем...

Во первых, я сшил себе красный костюм: красную кумачевую рубаху а ла Леон Толстой и такие же красные невыразимые—фасон „клеш". В этом большевистском наряде я направился на Кузнецкий...

И, можешь себе представить, меня приняли за какое-то важное лицо. Я слышал, как громко говорили за моей спиной:

— Тс! Это — сам Бимбом!..

Ободренный первым успехом я решил произнести большевистскую речь. Я влез на ближайший фонарь и принял позу.

Внизу собралась толпа. Друг друга спрашивали:

— Кто это?

Ответы были самые разнообразные, но часто малопонятные для меня:

— Живая реклама текстильтреста!

— Поэт—футурист!

— Армия спасенья!

— Агент по страхованию от огня!

— Переодетый фининспектор!

Повидимому, большевики очень боятся финов: стоило кому-то высказать дикое предположение, что я — финский инспектор, как толпа разбежалась во все стороны.

Осталось только двое—большевик в черной шинели с зелеными кантами и с красной палочкой в руке, и еще какой-то бритый, пузатый блондин, повидимому, буржуа...

Нечего было делать. Не слезать-же с фонаря! И я начал свою речь, обращаясь к этим двум:

— Многоуважаемые господа товарищи и госпожи товарки!..

Большевик в шинели с палочкой перебил меня, в свою очередь обратившись с речью ко мне:

— Гражданин, слазьте! Не хорошо скандалить! Ну, выпили пива, ну, и шли бы домой спать!..

Ты понимаешь, дорогая Лулу, что я не мог сдаться на уговоры этого провокатора.

— Стыдно спать, товарищ, сказал я ему, — когда еще дышет хоть один представитель буржуазиата! Довольно он сосал мою кровь! Буде! Теперь я желаю его крови!

С этими словами я указал пальцем на пузатого буржуа.

Что тут произошло!

Бритый оказался безработным куплетистом Бельведерским-Червонцевым, и теперь привлекает меня за оскорбление...

Но слушай дальше! Меня привлекли еще и за нарушение общественного порядка... Что бы сказали эти дикари, если бы увидели, как весной—помнишь, на унтер-ден-Линден—тот наглец ночью стащил с тебя правый чулок?!.

Но здесь всё возможно...

Ах, дорогая Лулу, на этом мои злоключения не закончились!

Как-то, попав в трамвай, я, вдруг, увидел седенького господина, которого сосед его называл „профессор".

Я подсел к нему и беседа завязалась.

Начал я с того, что шепнул ему:

— „Вам кланяется профессор Озеров!"

Старичек дико посмотрел на меня. Ободренный я продолжал:

— Да, да! Сам профессор! Тот самый, который изобрел теорию работы под большевика! Ваш покорнейший слуга — пионер его теории!..

— Оставьте меня в покое!—пробурчал старичек и отодвинулся от меня.

Тогда я понял, что это большевик, переодетый профессором. Ты знаешь, как я находчив (помнишь, в 1919 г. я нашел еще в Болгарии 3 франка?!), и я сразу изменил фронт.

Выхватив из-за манишки красный флаг, я взмахнул им и закричал:

— Дорогие господа товарищи и госпожи товарки...

Красным флагом я попал в глаз кондуктору большевистского трамвая... Теперь не обобраться неприятностей...

Тяжело, дорогая Лулу... Я начинаю думать, что в теорию профессора Озерова вкралась какая-то досадная ошибка..

Целую тебя. Твой Коко фон Бездароф.

P. S.

Приписываю через 2 недели.

Со мной случились чудеса, которые и не снились нашим друзьям по кафе „Бельмо".

Я устроился на месте. Занимаю очень ответственный пост— продавца в селедочной лавке. Получаю... 42 рубля! В месяц!!

Я вижу, как ты улыбаешься, и слышу, как ты говоришь:

— Ах, этот хвастунишка Коко!

Но на этот раз твой Коко не хвастает...

Ты назовешь меня лгуном, если я скажу, что ежедневно ем горячий обед. Даю тебе честное слово сотрудника!..

42 рубля одного жалованья, не считая тех селедок, которые я потихоньку выношу из лавки!..

Дорогая Лулу, если ты встретишь на улице этого старого осла, профессора Озерова, плюнь,— как говорят в нашей милой матушке — СССР — в его бестыжие глаза... если, конечно, тебе не жалко твоей дорогой слюны.

С товарищеским приветом весь твой Николай Бездаркин (членская книжка № 1728).

Э. Гард

ГЕРОИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Некоторые Губоно задерживают выплату жалованья сельшкрабам по несколько месяцев, а при частичной выплате месячного оклада за старое время — все удержания производят по текущий день.

Из газет.

У сельшкраба сегодня веселье и прыть,
Весть на сердце, как на-воду сода:
Губоно обещало на-днях оплатить
Август месяц текущего года;
Значит незачем думать мучительно „где-б?"
Значит—будут и яйца, и масло, и хлеб,
И табак для сельшкрабовских трубок,
И жене из овчин полушубок!

* * *

В город едет сельшкраб (на своих— на двоих) —
Что ему двадцать два километра?!
Вот и дом Губоно. В дверь и ловок и лих
Он врывается с силою ветра.
Для сельшкрабовских фильм нужен быстрый монтаж,
Через миг он влетает на третий этаж
И, от счастья немного бледнея,
Прилипает к столу казначея.

* * *

— Получить? — вопрошает его казначей,
Сам-же в ведомость вставочкой тычет:
— Причитается вам ровно 30 рублей,
Но с вас есть незначительный вычет—
За шесть месяцев по два процента в союз.
— Что-же,—мыслит сельшкраб: — не особенный груз.
Казначей-же, состроив гримасу,
Продолжал: — И во взаимокассу...
Бьют костяшки на счетах печальный мотив,
Казначей их бросает сердито:
— Кстати, с вас есть должок и в кооператив, —
Там вы брали по шкрабокредиту.
За подарок ушедшему завгубоно
Нужно с вас два рубля удержать заодно
(Был будильник, две девы и витязь),
А пока — вот перо — распишитесь.

* * *

Шкраб в уме подсчитал и дрожащей рукой
Где-то вывел, не видя, фамилью,
Сердце было нажато гнетущей тоской,
За спиною — поникшие крылья,
— Значит, тридцать и минус... 16 и... 5.,
Казначей затрещал на костяшках опять.
— С вас тут в МОПР для губернских ячеек
Причитается двадцать копеек...
Вышел тихо сельшкраб из дверей Губоно, —
Грезы жизнью посажены на-кол,
И, на тумбу присев (пусть глядят — все равно),
Он бесслезно и тихо заплакал,
А потом, на судьбу, столь жестокую, злой
Двадцать два километра шагал он домой,
Без надежд на махорку для трубок,
Без возможности сшить полушубок.

* * *

Здесь читатель, подняв затуманенный взгляд,
Скажет: прямо с бесвкусием конским
Для стихов этих выбрана форма баллад
Смехачем Константином Шелонским.
Ведь, баллада поет о геройстве людей...
— Эх, читатель! Назад взяв слова поскорей,
Вы поймите: все рыцарство слабо —
Пред геройскою жизнью сельшкраба!

Конст. Шелонский

МИНИМУМ-МАКСИМУМ

Тов. Буденый избран почетным студентом Педагогического Техникума имени Профинтерна.

(Из газет).

Рис. Б. А.

— Ну-с, а как ваш зачетный минимум?
— На всех фронтах на „весьма".

СЕРЫЕ ГЕРОИ

Торжество в деревне Максимовке началось с раннего утра.

Сначала всем миром ходили по деревне, с флагами, и пели Интернационал, потом, собравшись у пожарного сарая, открыли заседание.

Председатель влез на ступеньки сарая и махнул шапкой.

Общество откашлялось, отсморкалось и затихло. Только с тихим треском там-и-сям бабы жевали семечки.

— Так вот, братцы,—начал председатель,—пущай ответит общество, надо ли зафиксировать вопрос насчет самогону, ай нет?

— Безусловно, надо,—сказало общество.

— А ежели так,—сказал председатель,—то выходит такая штука... Пущай вот ответит еще общество, есть ли у Егорки Гусева лошадь, ай нет?

— Нету,—сказали в толпе.—нету у него лошади. Корова, да, действительно, есть, а лошадь он пропил, сукин-кот.

— Так,—сказал председатель,—пропил он лошадь. Заметьте себе... Дальше, скажем, Митюшка Бочков.. Спер он сбрую у Козулихи, ай нет? Спер. На какой этот самый предмет или цель спер он сбрую? На самогон... Теперича идем дальше. Лобачев Ванька. Чикнул он ножем Серегу, ай нет? Чикнул. Пьяный был... А теперича я спрашиваю общество, отчего это все, беда такая, происходит?

— Да разве мы знаем?—сказали в толпе.—От самогонки, что ли?

— Братцы,—закричал председатель,—конечно, от самогонки! Братцы, враги мы себе, ай нет? Не враги! А не враги, так должны мы эту самогонку тово, растово, разъетово? Уничтожить, то-есть?

Мужики молчали.

Председатель откашлялся и тихим голосом продолжал:

— Вы, братцы, не обижайтесь. Я против общества не иду. Я самогонку не хаю. Есть в ней вкус, не спорю...

— Конечно, есть!—крикнул кто-то.—Она вкус имеет. Она кровь полирует.

— Не спорю,—сказал председатель.—Вкус она имеет. Ежели, для примера, возьмешь горбушечку, сольцей ее присыпешь, а огурчик в это время на полусогнутой держишь, да нальешь ее в это время в стаканчик, да—хлоп-с... А она, бродяга, струей как брызнет по жилам... А тут огурчиком—джик, горбушечку—хрясь... Отдай все, да мало...

В толпе крякнул кто-то. Два мужика, одергивая штаны, пошли от сарая.

— Стой!—закричал председатель.—Не пущу! Зафиксировать надо... Пущай общество постановит, надо варить ее, ай нет?

— Что мир скажет,—уклончиво ответило общество.

— Можно, конечно, не варить,—добавил кто-то.—Можно у суседей брать... Ежели избыток у них.

Председатель вытер мокрый лоб рукавом и хрипло сказал:

— И у соседей не брать! И не варить! И аппаратов не чинить. Потому,—враз надо кончать. Потому—одним пальцем блохи не поймаешь... Ась? Братцы, да что ж это? Враги мы себе, ай нет?!

Мужики, кряхтя и сморкаясь и жалобясь на свою судьбу, то начинали хвалить напиток, то признавали за ним самые ужасные качества.

И, наконец, после двухчасового спора, постановили: „Самогон не варить, аппаратов не чинить и у соседей добром не пользоваться. Подпись—крестьяне деревни Б. Максимовки".

Читатель, если случится тебе быть во Владимирской губернии, в Алексинской волости, Ковровского славного уезда, загляни, милый, в деревню Большую Максимовку. Посмотри, милый, держит ли там общество свое слово.

Не хотим унизить деревню Максимовку своим тяжелым подозрением, но отчего бы читателю лишний раз не удостовериться в благородных поступках?

Ура, деревне Максимовке!

Мих. Зощенко

КРАСНАЯ ОПАСНОСТЬ.

Рис. Н. Радлова

Спички СССР завоевывают заграничный рынок. *(Из газет).*

— Сомневаемся, что это *безопасные* спички...

ОБМАН ЗРЕНИЯ

„В Белоруссии не прекращаются народные восстания против поляков"
(Из газет)

Рис. Л. Г.

— Что это есть пане?
— Называется Белоруссия, а видать, что здесь все красные.

ПАН — ДЕКАН

Волынским отделом ГПУ арестован ксендз, обслуживавший польскую разведку через Луцкого епископа.

У пана
Декана
Душа мягче воска.
Ах, много в нем такта,
Ах, много в нем лоска!
Чулки его новы,
Лиловы подвязки.
На всем он готовом,
От шляпы до ряски:
От тощей Янины —
Полпуда свинины,
От жирной Ядвиги —
Штаны и ковриги
Пшеничного хлеба.
Чего ж еще треба?
Несет Жозефина
Сардины и вина,
Юзефа сигарок
Приносит в подарок,
А рыжая Стася
(Хотя он и в рясе!)
Под вечер... приватно...
Ну, словом, понятно!
И жил он без риску б,
Не жаждал бы больше,
Когда бы пан бискуп
Жил здесь, а не в Польше.
У пана
Декана
Душа мягче воска:
Спаси ж его, панна!
Спаси, матка бозка!
Чулки его новы,
Лиловы подвязки.
На всем он готовом,
Как патока, вязкий:
Вот сводка от Юзи
О центросоюзе,
Вот сводка от Зоси
О местном распросе,
От жирной Ядвиги —
О местном комбриге,
От тощей Янины —
О планах рабкрина,
От бледной Олеси —
О местном собесе,
От рыженькой Оли —
О местной партшколе.
О работе же ГПУ местного
Узнал сам — и совсем недавно,
Ибо нет ничего неизвестного,
Что бы вдруг не сделалось явно.

Р. Волженин

НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ

В Ленинграде трудсоюзу разрешено повысить цену на молоко, во время сокращенного удоя. *(Из газет).*

— Дожили! Коровий удой — и тот под сокращение попал!..

БАБУШКА И ВНУЧЕК

(К пятилетию КИМ'а)

Всего 5 лет? А как задорен,
Как смел, как развит, как смышлен,
Как прям, настойчив и упорен,
Как расторопен и силен!

Глаза горят умно и честно.
С губ — что ни слово, то кинжал...
За пять годков он так чудесно
Подрос, окреп и возмужал.

Шипя сквозь зубы в раже яром:
— Уймись, погибшая душа! —
Европа-бабушка не даром
Косит глаза на малыша.

В ответ он лишь хохочет звонко
Веселый нрав его таков...
О, ужас! Выбился мальченка
Из под опеки стариков!

Набрался вольного он духу —
И поведением таким
Тысячелетнюю старуху
Изводит 5-летний КИМ!

И ей подумать даже жутко
И страшно дать себе отчет:
— Что будет с ней, когда малютка
Еще немного подрастет!!

Желчный Поэт

„МЕТРИКА"

Случилось это совсем неожиданно. Еще накануне Мастрюков не думал о возможности чего нибудь подобного, но на следующий день его позвало начальство и отдало строжайший приказ.

Вчера еще на складе у Мастрюкова находилось ровно сто десять пудов сена, а сегодня, взамен, оказались *тысяча восемьсот один и восемьсот пятьдесят пять тысячных килограмма.*

Как будто и то самое сено, да нет, брат, — не то!

Мастрюков растерялся. С ужасом и ненавистью смотрел на выданную таблицу метрических мер, с сожалением — на сено, пр.дательски превращенное из пудов в непривычные (сам чорт ногу сломит!) килограммы, а домой вернулся Мастрюков в самом подавленном настроении. Предстояло штудировать проклятые килограммы, граммы и прочую чертовщину.

Вспоминались первые затруднения этого рокового дня.

Как-же! Например, пришел Дыбченко и растерянно спрашивал:

— Кузьма Петрович, что-ж это? Как теперя быть? От станции до склада — двадцать пять верст было — ровнёхонько. Малому ребенку это известно. С версты и платили за доставку груза. А теперь вон оно что: уже не двадцать пять верст, а двадцать шесть и шестьсот семьдесят тысячных этого дурацкого километра... Как теперя быть с платой? С чего платить?

— А я знаю?! — мрачно спросил Мастрюков: — У меня у самого всё сено перепуталось...

За Дыбченкой и конюх Перепрей постарался подлить масла в огонь.

— Кузьма Петрович — сказал растерянно конюх Перепрей: — за коня я опасаюсь: и больше не ответчик. Вот что! Вам например, всё единственно, а я опасаюсь ежели он, чего доброго, подохнет — мое дело сторона. Нешто можно скотскую пищу с гарнцев на литры переводить? Конь привычку любит, коня надо-бы пожалеть...

— Отстань! И без тебя тошно! — закричал, не выдержав, Мастрюков.

Он понимал, что надвинулось нечто страшное, необъяснимое: килограммы, метры литры... Дохнуть нечем!

Дома Мастрюков шагал из угла в угол с таблицей и то бросал её, то снова принимался за зубрёжку.

— Один пуд равняется шестнадцати и трём стам восьмидесяти тысячным килограмма, один фунт равняется... равняется... Шестнадцать разделить на сорок... Не делятся, проклятые! А тут еще триста восемьдесят тысячных... Ничего не понимаю!.. Заворот кишок в голове!..

Жена притихла и соболезнующими глазами следила за Мастрюковым. Десятилетний сын Петя жался в углу.

— Один пуд равняется... — хватался за голову, Мастрюков: — равняется... — Чему ты равняешься, сволочь? Ничему не равняешься!..

Он швырнул таблицу и подскочил к сыну.

— Чего глаза пялишь? Вот я тебе покажу, паршивец, как над отцом надсмехаться!..

— Я, папенька...

— Молчать! Папенька из-за вас, дармоедов, на метры переходит, страдает, а вам как с гуся вода! Чем занят? Почему уроков не готовишь? Это что за дурацкая книжка?

— Я готовлю... — чуть не заплакал сын, протягивая отцу книжку.

— Что такое?

Мастрюков скосил глаза на раскрытую страницу.

— *„Только вер-сты полосаты попадаются одни"*... Это еще что за безобразие?! Версты?! Почему попадаются?! Не сметь: немедленно перевести в метры! Читай: „только метры распрокляты попадаются одни"! Не хочу один страдать!..

Сын заплакал, жена испуганно юркнула на кухню.

Мастрюков — за ней.

— Ага! — злорадствовал он, заметив на столе пустую бутыль из под денатурата: — Это что? Четверть? А сколько в ней метров, литров и килограммов? Не знаешь?!

Мастрюков дрыгнул ногой и сбил четверть на-пол. Зазвенело битое стекло.

— Вот сколько! Ничего нет!..

. . . .

Утром следующего дня Мастрюков пошел к доктору.

— В глазах, доктор, у меня мелькание и руки трясутся...

Доктор осмотрел язык, надавил живот, подергал за-ногу.

— Сколько вам лет?

Мастрюков заморгал глазами, подумал и сказал:

— Пятьдесят четыре и двести сорок пять тысячных килограмма.

Ив. Прутков

БЛИЖАЙШЕЕ БУДУЩЕЕ

— Миллион признаний! — с чувством произнес Чичерин, получив очередное признание от владыки Занзибара.

ЧЬЯ ВИНА?

В Чаусском районе Могилевского округа закрылась изба-читальня за недостатком средств. Избач Зубарев вынужден был уехать в Донбасс в качестве шахтера.

Лети за рифмой рифма вскачь,
Вонзись в страницу смело!
Сегодня темою — избач
И избачево дело.
Быть может, мой мотив не нов,
Но что, скажите, ново?
Избач примерный, Зубарев —
Стихов моих основа.
Из Красной армии прибыв,
Избу читальную открыв,
Он вместе с местным шкрабом
Был культпросветским штабом.
Но, ах!.. Их симпатичный шеф
В долгах, как в патоке, посев,
Хотя избою ведал,
Им ни копейки не дал.
И вот погас светильник масс,
А кулачью привольней.
Уехал Зубарев в Донбасс
И мокнет где-то в штольне.
Не знаю, чья уж тут вина —
Его иль Наркомпроса.
Не ставлю прямо и сполна
Из скромности вопроса.

В. Н—в

„ДИПЛОМАЦИЯ".

— Как ты есть технический редактор, то, как я есть предзавком — объявляю тебе в порядке профдисциплины, чтобы в субботу номер стенгазеты был на стене. А то все недовольны: и коллектив и культкомиссия...

— Ладно, будет уж, — буркнул Кляксин.

— Обязательно! чтобы без никаких!!! Рабкоры заметки дали, ребята наши тоже дали — в чем задержка?

— Сказал — будет, ну, и будет! О чем разговор?!

— Канителишь!

Кляксин, действительно, „канителил": материал был неприятный. Он вздохнул, пошел в завком, вынул из стола редакционную папку и стал просматривать письма и заметки.

„Сидит машинисточка в кабинетике и по буквам прыг-прыг, что воробушек. Попрыгает, в зеркальце поглядит, пудрой носик побелит, и опять прыг-прыг... Много-ли за день напрыгаешь?! То то за удостоверением, или какой там бумажкой, набегаешься. А, ведь, носику не только работы, что белиться, нужно ему и в цветочек аленький ткнуться, что вместе с вазочкой обожатель принес, нужно и в чертежную сунуться — новости узнать. Эх, кабы от такой машинки да к станку перевести — польза бы делу была".

— Если б Елизавета Ивановна не знала, что я и техредактор, и главный сотрудник — пустил бы, а так обидится, — подумал Кляксин и отложил письмо в сторону.

Любил Кляксин сидеть около Лизочки — как мысленно называл он ее — и смотреть, как ее тоненькие, изящные пальчики делают „прыг-прыг". Полненькая блондиночка с очаровательными ямочками на щеках!.. Кляксину было всего двадцать лет. Кляксин разорвал письмо и сунул обрывки в карман, чтоб потом выбросить и стал читать другое.

„Чертежник Стрюкин всегда запаздывает, а, впрочем, если и придет во время, то как бы и не приходил: все равно, ни черта путного не начертит. Резинкой больше, нежели рейсфедером работает. А то начнет курить, словно паровоз дымит своей поганой трубкой. Каждый день другой галстух, а вечно ищет у кого бы призанять полтинник. Плачет по нем „сокращение". Пора бы! Завком, размахнись!"

Любил Кляксин со Стрюкиным в пивной посидеть: анекдотов Стрюкин знал целый короб. Жилось Стрюкину плохо: семья большая. А галстухов, действительно, у Стрюкина было много: дали ему в те годы ордер на шкаф, получал он шкаф, а в нем бельевое отделение было, а в отделении запертый ящик. Вскрыл его Стрюкин, а там галстухов две дюжины.

— Погожу! — принял он компромиссное решение и сунул заметку в голенище.

„Как поднять производство?"

— Ладно, — поднимай! — сказал вслух Кляксин и оставил статейку в папке.

„Кассира нашего нужно подтянуть: при выдаче жалованья к нему и не подступишься. И чего это он нос задирает: не свое, кажись, дает да и нами честно заработанное. Куражится над трудящимися, а за это стоит взгреть. На первый раз следовало бы пропечатать на черной доске. Редакция стенгазеты, заведи у себя такую доску. Да на первый раз махни кассира".

Кляксин задумался: за кассиром такой грешок был. Но кассир был полезен — всегда можно у него своему человеку рубль — другой перехватить. В двадцать лет хочется удовольствий. Удовольствия требуют денег, а если их нет — нужен кредит.

И заметка... Кляксину было двадцать лет. Он разорвал ее пополам, потом еще и еще пополам...

— Рабкоры не найдут своих заметок и засыплют завком и коллектив жалобами, — подумал Кляксин, оставшись при одной статейке: „Как поднять производство?" — Нагорит мне, начнут шпынять: и организатор, и предзавком, и предкультком...

Он долго сидел, ища выхода из положения. Наконец, пододвинул стопочку бумаги, вооружился пером и стал писать.

Благодаря энергии организатора коллектива, открылся у нас „Уголок Ленина". Живо интересующийся своим созданием товарищ Глебов отдает ему много сил, стараясь развить и пополнить...

Написав целый столбец, Кляксин подписал статейку „Прохожий" и принялся за другую.

„Наш на редкость живой предзавком проявляет кипучую деятельность не только по профессиональной линии, но и по административной, оказывая тактичный и нужный нажим на администрацию...

Расписав предзавкома с лучшей стороны, он стал восхвалять предкультkома...

— Ну-ка, товарищи рабкоры, суньтесь теперь, попробуйте сковырнуть меня! — потирая руки, воскликнул Кляксин, относя материал для переписки на машинке.

Исидор Гуревич.

НЕПРОСТИТЕЛЬНАЯ ОПЛОШНОСТЬ.

Рис. А. Р.

— Что-ж это у вас товарищ, изба-читальня какая-то странная, самого главного и нет?
— Это чего же?
— Да, ни „Гудка" ни „Смехача"...

НОВОЕ ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Собрался некто у нас жениться,
И думал как бы не ошибиться.
Решил: „я тестю тариф назначу, —
Пятьсот червонцев с женой в придачу!"

Но тесть не промах, он знает дело,
И отвечает герою смело:
„Желанья Ваши яснее солнца,
Даю жену Вам и два червонца!"

Жених на счастье не растерялся,
И при ответе он улыбался:
„Во избежанье в семье разлада,
Беру червонцы, жену — не надо!"

Мак

НА ВЕЧЕРЕ В КЛУБЕ

— Товарищи - музыканты, как это не прискорбно, а виолончелист опять запил!

— Ах, запил! Ну, значит, сегодня будет плакать не виолончель, а завклубом.

НОВЫЙ БЫТ

— Агафья, поди самовар поставь!

— Некогда мне, надо в сельсовет иттить вопрос на голосованье ставить!

КИТАЙСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Генералы дерутся — у китайцев косы трещат.

Рис. Ив. Малютина

ДЕРЕВНЯ

— В городу, давеча, читал: дом крестьянина открыли. Торжество, говорят, огромадное было.

— Велика важность: дом! — у нас вон в деревне все дома крестьянские: да, ничего, не хвастаемся.

ПРИЧАСТНИК

В Новгороде, чтобы привлечь верующих, после причастия в церквах дают запивать неограниченное количество разведенного вина.

Владелец сапожного магазина Парфен Кондратьев с трудом поднялся по лестнице.

Жена встретила его плачем и криком.

— Господи! И за что же мне этакое наказание? Опять нализался, ирод галлилейский!

— Врешь, баба, не Ирод вовсе а Парфен, и не нализался, а напри... при... тьфу, ты леший, сразу и не выговоришь, напри .. ча... щал... ся, то есть святого причастия напринимался, тела и крови господа нашего напричащался, а не нализался. Сегодни, дурья твоя голова, день нарпита. Поди ты, налижись, когда все пивные позаперты.

— Да где же ты так разукрасился!? — всплеснув руками спросила жена.

— Разукрасился Это ты прравильно. Потому воистину, можно сказать, благодатию господнею разукрашен... Прихожу этта я к куму Семену Василичу. Оно со вчерашнего-то страсть, как охота опохмелиться, а у Семена тоже под ложечкой сосет. А выпить негде, потому вторник, нарпитов день и все позаперто.

— Думали-думали. Семен-то и говорит. Придумал. Мол, пойдем. Ну, пойдем. Гляжу это... ведет он меня к Иоанну Предтече в церковь. Меня ажно страх взял, уж думаю, того не рехнулся ли парень. Однако, вошли. Помолились, по свечке поставили, все честь-честью, потом к причастию подошли. Вижу, запивки то по две чашечки дали. От Иоанна Предтечи к Василию Солунскому пошли, там постояли, помолились, опять по свечке поставили и святых таин приняли, опять по две чашки запили. От Василия в Крестовоздвиженскую, там уж не молились, а только по свечке за пятак поставили, причастия хлебнули и прямым ходом к Федору Стратилату. У Федора уже свечек не ставили, а прямо к причастию.

Гляжу, Иван Матвеич за виночерпия. Я к нему, ну он нам по знакомству по пяти чашек неразведенного кагору отсыпал, а у самого рожа-то красная. От Федора то мы вышли уже маленько того, и прямо в собор.

А в соборе два попа сразу причащают. Народу до беса понаперло, ну тут нам лафа, то к одному подойдем хлебнем, то к другому. Так и ходили все, разов десяток никак словчились, пока не заметили, да не попросили добром выйти. Семен-то уже намок, ну а я ничего — держался что надо.

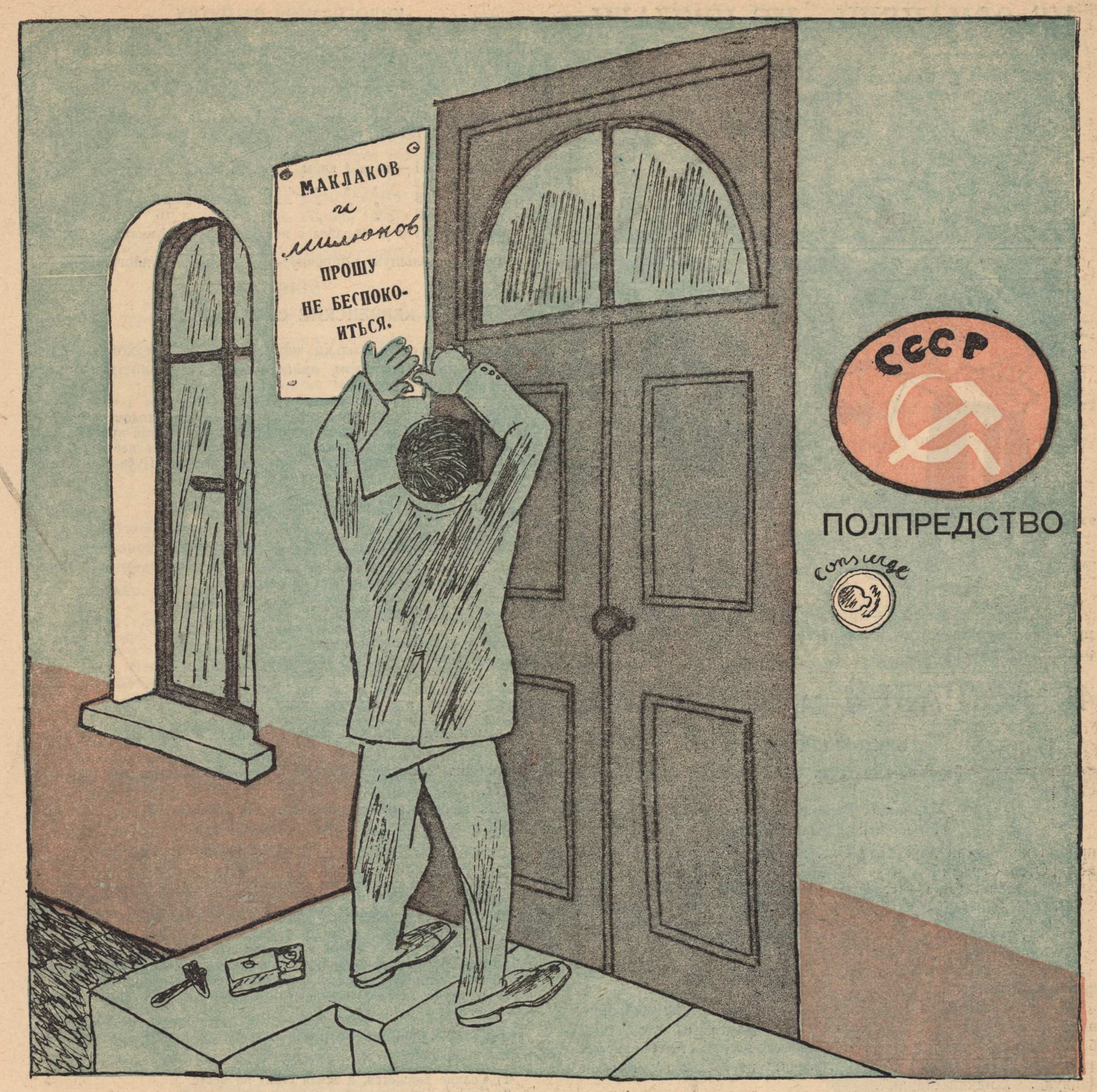
Из собору ко Фролу и Лавру пошли, там по две баночки дунули, потом у всех Скорбящих, потом в монастырь попали, все церкви обошли, а после уж не помню к какому еще лешему нас занесло не то к Петру и Павлу, не то к Кириллу Белозерскому, только проснулся я в милиции. В милиции это все по хорошему, протокол подписали, просфорой, что у Фрола и Лавра купили, (еще хорошо помню, как полтинник отдали), закусили, Семен в милиции ночевать остался, а я на извозчика — и домой...

А нет ли у тебя, мать, чего нибудь опохмелиться, потому с кагору этого проклятого голова трещит.

Сосипатр Сидоров

Рис. В. Козлинского

Здание бывшего царского посольства официально передано полпредству СССР.

Первые шаги Красина

БИБЛИЯ В СВЕТЕ ХОЗРАСЧЕТА

(Мысли хозяйственника).

Совершенно непонятно, почему председатель союза библейских водников, Ной, не имея никаких конкурирующих госорганов, работающих по транспорту, не догадался ввести в ковчеге принцип платности и продолжал руководствоваться в своей деятельности идеалистическими соображениями.

— —

Первое сокращение штатов было произведено в Раю, причем не установлено — получили ли Адам и Ева вперед за две недели. Если нет, очевидно, не было колдоговора.

— —

При превращении жены Лота в соляной столб, был допущен максимум разгильдяйства и бесхозяйственности: вместо того, чтобы срочно заняться организацией соль-синдиката, родственники предавались отчаянию.

— —

На Вавилонстрое, при полном отсутствии РКИ, накрадено было немало.

Очевидно, башня и рухнула под тяжестью накладных расходов. *А. М.*

ТОНКОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ

Жена спрашивает мужа, чиновника министерства иностранных дел:

— Ты это кому письмо пишешь, дружок?
— Нужно сказать: не кому, а чье.
— Как так?
— Ну-да: чье?.. Письмо Зиновьева.

ТОЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

— Почему у вас такой собачий холод?
— Хозяйчик — собака: не топит.

В ЖИЛТОВАРИЩЕСТВЕ

— Что вам угодно?
— Ничего.
— Так зачем же вы звоните?
— Тут же написано: „К Ванюкову звоните 3 раза“.

НЕ ОБМАНЕШЬ—НЕ ПРОДАШЬ

Рис. А. Р.

На Каширке (Каширстрой) ходят разносчики. В кооперативе чулки 2 р., у них—1 р. и т. д. Не мешало-бы кооперации снизить цены и запретить разносчикам появляться на постройке. (*Из газет*).

— Иди-иди, милый,—проваливай! Нечего подсовывать рублевые чулки, когда я такие-же могу получить в кооперативе за два рубля!

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

КИНО-ЭКСПРЕСС

На станцию Березайка Окт. ж. д., известную по шуточным стихам:

„Станция Березайка —
За кипятком вылезай-ка“, —

прибыл кино-вагон доркульта Окт. ж. д. с показательной фильмой „Отец Серафим“.

Во время сеанса — (сообщает рабкор № 509) — света было мало, механик вагона спешил как можно быстрее провести по программе 2 сеанса, почему картина была показана с головокружительной скоростью, при полной невозможности успеть прочесть надписи. Публика, посетившая кино-вагон, осталась крайне недовольна.

Зато, механик вот как остался доволен! Вылез из кино-будки красный, облитый потом,

— Фу! — говорит — мать честная! Против предыдущей станции, на двадцать минут сократил. Обождите, на следующей беспременно в десять минут оба сеанса вгоню! Американским экспрессом! Только-бы „Отец Серафим“ посередке перегона не лопнул... Жидкий старик!..

ПРЕРВАННЫЙ ОПЫТ

Рабкор № 1564 рассказывает любопытную историю постепенной пересадки пола.

В охране 3-го района Окт. ж. д., при ст. Москва, служит с 20 января 1921 года Прасковья Исаева, и винтовка на ней числится за № 148116. Жалование получает, как агент, а занимается мытьем полов.

Когда агентам стали выдавать сапоги, Исаева Прасковья обрадовалась и говорит:

— Товарищ начальник, дайте и мне сапоги.

Конечно, надо бы ей, раз она винтовку имеет, и сапоги выдать, а за сапогами — брюки. Однако, начальник испугался: выдашь сегодня сапоги, завтра — брюки, а там, гляди, женщина окончательно превратится в мужчину, что не предусмотрено законом СССР.

Начальник ответил: — Тебе не полагается.

— А как же я в 23-м году получала?

— Хорошо, — сказал начальник: — но только я отдам приказ о переводе тебя с 7-го разряда в 4-ый разряд — курьером.

Испугалась Прасковья Исаева и отказалась от сапог.

Таким образом, осталась Прасковья Исаева с винтовкой за № 148116, но без сапог,—и дальнейшее превращение ее в мужчину приостановилось.

Жаль.

КИЛОГРАММЫ НА ПУТЯХ

Постепенно, с большим трудом, метрическая система внедряется в обиход.

Вот что пишет нам Аркадий К.:

Передо мной лежат дубликаты жел. дор. накладных Северных ж. д. от 23 октября 1924 г., в которых указан вес груза в пудах и килограммах:

дубликат	№ 228551 — груз 4 кипы	21 пуд.	11 фунт. —	353	клг
„	№ 228552 „ „ „	21 „	11 „	348	„
„	№ 228553 „ „ „	21 „	21 „	353	„
„	№ 228550 „ „ „	21 „	16 „	354	„

Вот поди тут и разбирайся в непутевых килограммах!

Вносим небольшую поправку:— в *путевых* килограммах.

КЕРЧЕНСКИЕ СТРАДАЛЬЦЫ

Керчь славится не только катакомбами и селедкой, — Керчь славится и своим вокзалом, оригинальную особенность которого составляет закрытый зал.

На станции Керчь-город каждый раз, перед уходом поезда, за 10 — 12 часов съезжаются крестьяне, беднота и другая публика. Зал вокзала закрыт. Ожидают на перроне под открытым небом. Сейчас в Керчи идут дожди с холодным ветром — норд-остом. Публика мучается от холода и сырости.

Дальше рабкор переходит на стихи:

Ой, какая злая доля
Бедных пассажиров в Керчь же привела?!
Все равно, как на голом поле
Поливает дождь, как из ведра.
Дождик хлыщет,
Ветер свищет.
На перроне темнота. Свету
Нету, еще нету...
Кто-то экономию наводит,
Народную копейку „бережет“.
А писал про все я это. Но не вышел толк:
Писал я в местную газету. Писал и в свой „Гудок“.

В самом деле, обидно: рабкор пишет, а норд-ост и в ус не дует.

Есть два способа: открыть для публики зал, или закрыть норд ост.

Пусть начальство выберет, который легче.

ЕЩЕ О КЕРЧИ

Оказывается, в Керчи, кроме катакомб, селедок и закрытого вокзального зала, появилась еще одна достопримечательность: лектор.

15 октября прибыл вагон-читальня, а в нем некий лектор X. (рабкор Б-шов деликатно не называет его фамилию). Задумал он прочесть в клубе лекцию железнодорожникам — о происхождени мира и жизни.

Тезисы этой лекции потрясли все основы мироздания. Вот они, эти тезисы:

1) Солнце движется, а земля стоит на месте.
2) Планеты движутся без всякого плана
3) Теперешний медведь переродился из ящура.
И так далее — до бесчувствия.

„Ой, какая, злая доля“ преследует Керчь?! В ней дует холодный норд-ост, в ней закрыт зал, который не мешало-бы открыть, — и открывает рот лектор, вместо того, чтобы крепко держать его закрытым...

ТОЖЕ КАРТОФЕЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКА

Вот бесхитростное описание „смычки“, имевшей место на ст. Колодезной (Юго-Вост. ж. д.):

14-го октября с. г., в день открытия ссыпки и отправки картофеля, кулаки затеяли торжество: заготовили крепкого самогону и, для распития, пригласили местную администрацию: н-ка станции, его помощника, агента ГПУ и, для общего блага, — попа с дьяком. В 8 часов вечера открыли бал, на котором присутствовали вышеуказанные лица и местное кулачество с домочадцами. Самогон лился рекой. Кто пел, кто плясал. Агента качали (чтобы впредь не составлял протоколов). В заключение, был отслужен благодарственный молебен. Разошлись в час ночи, со словами: „Да здравствует смычка“! (Рабкор № 1025).

А молебен, поди, служился у этих картофельников по всем правилам — с многолетием. Оно и верно: после такой „смычки“ обязательны „многие лета“. Со строгой изоляцией или без.

СЕЗОННОЕ

У каждого времени года—свои песни.

Подошла зима, и агенты охраны грузов на ст. Кодыма (Юго-Зап. ж. д.) запели хором песню благодарности за присланную спец-одежду.

В средних числах октября получили на двоих один полушубок. Но что за полушубок! — это одно загляденье. Малый, тонкий, короткий; шит из мелких кусков овчины, которая недели через две разлезется по швам, сделав агентов охраны похожими на бродяг.

Но, зато, явится возможность распределить один полушубок не на двоих, а, например, на сорок девять агентов охраны каждому по куску на рыло.

Храни и не поминай лихом администрацию.

РУЧНОЕ

Рабкор станции Харьков возмущен местной свободой нравов.

В 3-м классе можно было видеть такую картину.

Агент охраны, Д—кой, который должен был принять 24-го октября поезд, сидел со своими сослуживцами, собрав около себя кучу проституток. Одну из них он посадил себе на руки, вызывая этим негодование проходивших мимо пассажиров.

Действительно, странная картина: проститутка на руках блюстителя порядка. .

Интересно знать — сошло это ему с рук, или нет?

РОКОВОЙ СПОР

Трагический случай произошел с рабкором Б-ским (№1522).

Даже коротко остриженные волосы становятся дыбом, когда читаешь нижеследующее сообщение:

Однажды, еду я в поезде на ст. Детское Село (б. Царское Село) Сев.-Зап. ж. д., под Ленинградом Вдруг, подсели ко мне два нэпа и повели между собой разговор, неоднократно употребляя старое наименование: „Царское Село“.

Тут-то я вмешался, и у нас возник спор. Они меня уверяли, что есть еще старые надписи, а я не сдавался и поспорил на половину своего жалованья. И что-же вышло?

А вот что. Приехали в Детское Село, повели они меня в уборные и указали на фонари. О, ужас! Жирным шрифтом во-всю написано: „*Царское Село*“. Я так и присел, хотел уйти, а толстые два нэпа кричат:

— Не уходи — гони монету.

О, несчастный я человек, и день 20 октября! Что же это администрация спит?! Когда еще поспорю, то лишусь месячного жалованья

Утешения в этом случае—неуместны, но все-же хочется сказать: не так плохо, если надпись: „Царское Село“ осела в уборной.

Лучшего места не придумать.

РЫБНЫЙ СТОЛ

Всякие случаи на свете бывают.

25-го сентября на ст. Мценск М.-Курск.ж. д. прибыло сушеного судака 27 кулей (77 п. 8 ф.) и сельдей 17 бочек (155 п. 15 ф.). Принимал весовщик Шадский, вес был правильный, как сухой рыбы, так и сельдей. 8 октября пришли получать то и другое. Взвесили и судака не достало 2 пуда, а сельдей 9 пудов.

Остается послать во все мценские винные магазины запрос: кто за упомянутые две недели усиленно покупал русскую горькую?

Не в сухомятку же они, канальи, 11 пудов рыбы стрескали?

МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ

У нас в СССР'е к мертвым относятся с почтением. Вот пример:

Поезд № 22 прибыл на ст. Щербинка, Курской, и стоит. Машинист нервничает: и так запоздали уже. Наконец выходит главный. просит у машиниста поездной рапорт и пишет в нем:

— „Поезд стоял в виду переговоров ДС Щербинка с гр. Парахиным ДСП ст. Бутова по поводу справления поминок по умершему, приятелю“.

Это еще что! Могла бы, ведь, быть и такая отметка в рапорте:

— „Поезд сошел с рельс, ввиду приказа ДС Щербинка провожать умершего приятеля на кладбище“.

Уж чествовать — так до конца!

ЖЕЛДОРБОГОСЛОВИЕ

Как известно, от Берлина до Белой Церкви рукой подать.

В месткоме ст. Белая Церковь была получена из Укчпрофсожа телефонограмма: 13 октября приедет из Киева профессор Берлинского Университета и прочтет лекцию на тему „Есть-ли бог“? Местком расклеил широковещательные афиши, разослал гонцов, рабочие собрались, многие пришли за 10 верст, но... профессор не приехал и лекция не состоялась.

Так рабочие Белой Церкви и остались в неизвестности: есть бог или нет?

А между прочим он есть. Это на киевском Учкпрофсоже видно. Ибо киевскому Учкпрофсожу не иначе, как бог ума не дал.

ОСВЕТИ МОЮ ТЕМНУЮ ЖИЗНЬ..

На ст. Новочеркасск, Ю.-В. ж. д., имеется баня: В этой бане —

В раздевальне еще есть свет, но в купальной его нет и признака. Когда наступает вечер, то купающиеся впотьмах только набивают друг другу синяки...

Удивляемся, как еще никто из купающихся не разбил голову. Заведующему баней.

ШКОЛА ЖИЗНИ

— Какой вы знаете *вспомогательный* глагол?

— Дать.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

— Какая кара постигла в 1924 году иностранных капиталистов в Китае?

— Кара-хан.

ПО ОЧЕРЕДИ

— Давеча конкурс был на хорошую и плохую мастерские наша брат, приз взяла.

— На хорошую?!

— Ну не сразу, — пока только еще на плохую.

ПРИЧИНА

—У нас опять украли две пишущие машины с открытым шрифтом.

— Сами виноваты: зачем был открыт. Закрывать, батенька, надо!

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

Рис. А. А.

Обследование трудкоммун для беспризорных детей показало, что 85% детей курящих. (*Из газет*).

— Брось папиросу, негодный пострел!!!

— Не могу, дяденька: до пепельницы не дотянуться...

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВИД

Потребность в тракторах в нынешнем году громадная. Имеется тракторная школа в Москве Ребята из деревни приехали учиться. Находятся в крайне тяжелых материальных условиях. Даже общежитием не обеспечены. Живут как беспризорные.

Рис. Б. Антоновского

— Вы не из тракторной школы?

— Угу.

— То то, я смотрю, будто вас переехало—вид такой подавленный...

ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК

ЦРК. узнает, что отделение Мосторга должно получить партию мануфактуры и просит заведующего заранее выделить для него определенный процент. Ему отвечают: количество мануфактуры, которое мы вам отпустим, зависит от количества парфюмерии, которое вы у нас купите. („Труд")

Чукчин протянул за прилавок руку знакому продавцу Кутюнкинской потребиловки и кивнул головой на стоящих у прилавка трех женщин.

— Вот, брат, цельным семейством привалил ситцы набирать. Ситцы, говорят, во множестве у вас получены.

— Ситцов вдосталь,—сказал продавец, указывая на полки— в громаднейшем выборе и всевозможных вкусов.

Действительно, вместительные полки потребиловки были плотно уставлены новенькими штуками материй.

— Ну-к что ж, показывай свои удивительные ситцы, ослепи ты наши зрении!

— Ослепить мне недолго, стоит штуку на прилавок вывернуть, как в глазах у тебя резь получится Только вот, брат, положение у нас — отпущу я вам ситцов, смотря сколько парфюмерии возьмете.

Чукчин вытаращил глаза.

— Мил человек, на кой хрен она нам далась?

— Говорю положение такое, из центра нам ситцы отпущены в смычке с парфюмерией, иначе не давали.

— Выходит это, духов разных, одеколонов брать надо?

— Получается так, иначе ни одной горошины не отпустим.

— Ах, мать честная, духами торговлю душат!.. А ты не бойся, мы выдержим, ты хвастай дальше. Показывай порфюмерию, чего есть?

— Духи есть, резеда, гелиотроп, роза альписткая...

— Давай нам две баночки, обольемся всем семейством, и получится у нас огромаднейший пукет розов... А мне отдельно гелиотрёпу дай, я портянки буду опрыскивать.

— Пастов зубных множество имеется.

Продавец выложил на прилавок несколько трубок зубной пасты. Чукчин надавил трубочку.

— Гляди, какая кишка лезет... И духовитая, стерва. Пастов бабке нашей требуется, у ей зубов нету, дык пущай десну натирает, может прорежутся зубы.

— Зубной порошок есть.

— Порошков на побольше надо... Кухню я собираюсь белить, вот порошками и выбелю.

— Пудра разная в огромадном количестве.

Чукчин растерянно почесал в затылке.

— Вот уж не придумаю, куды с пудрой деваться... Рази тесто из ей зачинить... Как полагаешь, жена, можешь ты с пудров пирог с капустой испечь?

— Помады для губ, губы красить.

Чукчин радостно схватил продавца за руку.

— Мил человек, неужто есть?

— Имеются разного сорту.

— Ах, чудак, губные помады есть, а он молчит!.. До зарезу нам эти губные помады требуются!.. Бабка наша, ей после завтра семь десятков стукнет, бабка так и объявила—без помады, говорят, я в чакотку впаду, иссохну совершенно, как гриб. А лаку ногтевого можешь? Давай лаку полведра, ногти мы на ногах полировать будем, пущай другие слепнут от нашего блеску!

Чукчин хватил кулаком о прилавок.

— Все давай, вали в кучу, мы выдержим!

Продавец обиженно убрал с прилавка парфюмерию.

— Вижу, хвативши ты здорово и только непроизводительность мою подымаешь против системы Нот'а. Приходи-ка, брат, завтра отрезвивши, а сегодня никакой полосочки или горошку я тебе не отпущу.

— Да подавись ты своим душистым горошком!.. Идем бабы, нечего нам тут духи нюхать.

Чукчин с силою бросил выходную дверь, и оконные стекла звонко задребезжали. Продавец презрительно усмехнулся.

— Ишь, серость физкультурная! ***К. Мазовский***

ЯЗЫЧНИЦА

Собственную бабку не возьмешь за ногу и не выбросишь за окно, особенно если у нее и пряники, и яблоки в сундуке, но, с другой стороны, терпеть честному пионеру тринадцать икон в переднем углу — тоже не дело.

Однажды утром Петька, вместо обычной полемики с бабкой насчет опиума для народа и мелко-буржуазного уклона, свесил ноги с кровати и начал сопеть; Бабка спросила тревожно:

— Что с тобой, ягодка?

— Конкретного ничего нет.

— Может головка болит?

— Ничуть не болит.

— Может, тебе яблочка дать?

С болью в сердце пришлось отказаться.

Бабка бросила валенок под кровать.

— Господи, уж не лихоманка ли? Шляется парнишка в куцых штанах антихристовых, а родители хоть бы что.

— Я сон, бабушка, видел.

— Какой, дитятко?

Медом не корми бабку, только сон расскажи.

— Святой мне явился.

— Н-ооо!

Рот у бабки — яйцо протолнуть можно.

— И говорит мне этот святой: „Скажи своей бабушке Пелагее, что завтра ноги и руки будут ломить у нее“.

— Да с чего-же это, Петинька?

— А с того, что иконы твои неправильные. Делали их такие же, как ты, язычники, то-есть не такие, — поправился Петька, — а хуже. И пущай, говорит, вместо них она поставит меня и ломота пройдет.

— Врешь, миленький; по глазам вижу — врешь, — заявила бабка и потянулась к уху. Но Петька отскочил к двери и показал комбинацию.

Ноги к вечеру, однако, заболели у бабки. Охает, горчичники ставит, а они все сильней.

— Может, не врешь про святого то, Петинька?

— Я для твоей пользы стараюсь.

— О, господи помилуй, как ломит! Сбегай, купи твоего святого.

— Гони рупь в два счета.

Раскошелилась бабка. В итоге, у Петьки экономия на плитку шоколада образовалась. Принес.

— Вот!

Понравился бабке святой. И волосы длинные, и борода православная, и обличье на Саваофа сдает:

— Ну ставь на божницу.

— Рядом с шатией этой? Ни почем! Не подействует.

Бабка замялась, но так ломило колени, что пришлось ей дать разрешение на вынос икон. Может, действительно, их язычники делали.

Потом, кряхтя слезла с дивана и бухнула на колени. Живые помочи прочитала, верую, отче наш—и полегчало. А к ночи утихло совсем.

— Правильный, видно, святой, хоть и без венчика.

В благодарность, опять наворачивать стала поклоны.

— Не очень размаливай, бабка; не любит он этого, — пробовал унять ее Петька.

— И-и, что ты — замахала руками, — совсем ломота прошла, Надо поблагодарить.

— Нужна ему идиотская благодарность. Придется снять.

— Что-о? Я те сниму. Только тронь, антихристов сын.

На дворе сразу узнали, что у Пелагеи ломотный святой объявился. Как тараканы, полезли бабы. Войдут, перекрестятся на лампадку и хлоп носом в пол. А когда разглядели — за животики взялись:

— Да ведь это Карла Марса.

— Ну и что-ж тут такого? — ощетинилась бабка.

— Коммунисты за заглавного его почитают.

— И слава те господи, коль и у них он святой.

— Да не святой он, бабка, — тут фокус. Вот и барометр, через который ломота предсказана, — показал Петька.

Баба выслушала и сурово ответила:

— Зашей себе рот, парень. Так я и поверила, что в этой штуке и дождик, и снег. Не морочь голову... А святого трогать не смей, пока я жива. И вовсе не коммунист он. Теперь фулюганы нарочно всех святых в коммунисты записывают, чтоб в новую церковь народ сбить. А я стояла за Тихона и буду стоять, хоть вы тресни.

И. Ломакин.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Рис. А. Радакова

По обследованиям среди украинской деревенской молодежи, оказалось, что по праздникам 50 — 60 проц. молодежи ходят не в церковь, а *до церкви*. Дело в том, что по воскресным и праздничным дням сельбуд и хата читальня закрыты, и сельская ребятешь идет погорланить, убить время у церкви.

„Больше некуда итти, а церквовь модное место“...

— Батя! Сыграй нам, пожалуйста, что нибудь плясовое.

СВОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Рис. В. Лебедева

— В киперативе не служила, в вузах не состояла, а на-те вам!— вычистили.

УЧИТЕЛЬ БАБКИН.

Вы не знакомы? Позвольте представить —
Товарищ Бабкин, учитель первой ступени.
Сегодня его я хочу прославить,
Сегодня он, Бабкин — объект наблюдений.
Живой, полноценный экземпляр Наркомпроса —
Вот — он, в толстовке из жениной юбки „Клеш",
Не могущий обувного разрешить вопроса,
Шагающий по ступеням своим без галош.
Товарищу Бабкину пятьдесят четыре минуло.
Нельзя пожаловаться—крепкий старик,
Но ставка к Бабкину спиной повернулась,
И к пище духовной — Бабкин привык.
Поворчал. Поскрипел. Пошипел люто,
Как полагалось в девятнадцатом и двадцатом году.
А потом настала такая минута —
На советскую Бабкин поставил звезду.
И тогда-то прошибла старика испарина:
Политграмоты Бабкин осилил барьер.
Отсиделся над азбучной книжкой Бухарина,
Над конституцией Ресефесер.
Не взвидел Бабкин в работе солнца,
Надавали Бабкину тучи ребят...
А ставка то, ставочка — два червонца,
И той ставки во-время платить не хотят.
А Наркомпрос на Остоженке пуще злится:
Подай мне анкету, программу, отчет!
Товарищ Бабкин, учиться! учиться!
Вздыбилось время, потоком течет!!
И учится Бабкин по всем Домпросветам,
И знает Бабкин: я школу спасу;
Но все чаще к витрине, дыханьем согретой,
Зрачки льнут, в надежде узреть колбасу,
Ругает Бабкин дуру-слезу: —
Отчего же в тарифной, прекраснейшей сетке
Учитель Бабкин — в самом низу?
Не защищенный от ветров и льдин,
Бабкин — один?

. . . .

Теперь когда вы знакомы, попытайтесь скрасить его тарифное одиночество.
Запомните—Бабкин, Степан Тимофеич—
Фамилия, имя и отчество.

Александр Флит

МЕЧТА РАДИО-ЛОДЫРЯ

— Сидишь на экзамене над задачей и не знаешь с чего и начать... И вдруг, из дому репетитор по радио диктует тебе готовое решение!.. Эх!..

ПРОТИВНЕЕ ВСЕХ

— При старом режиме чего только не приходилось выносить нашим детям; одна старо-славянская грамматика чего стоила!.. Юс большой, юс малый — один другого противнее!

— Ну уж извините, самый противный Юз — это американский!

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

— Я знаю средство для восстановления разрушенных квартир в домах жилтоварищесть.

— А ну?

— Еженедельно переизбирать Правление: каждое правление, первым делом, восстановит свои квартиры, а так как все квартиронаниматели раньше или позже будут правленцами, то... ясно?..все квартиры будут... ясно?.. приведены в порядок.

РАДИО-СТРАХИ

(В Парижских радио-клубах).

— Вы знаете, я страшно волнуюсь: а вдруг большевики по радио III Интернационал исполнят?

— На всю Францию слышно будет!

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

— Ну, кажись, и у нас спецпитание ввести хотят.

— Ну, его к шуту: у нас вон спец, Борис Иваныч, одними слухами только и питается.

ДВА КОЛЬЦА, ДВА КОНЦА, ПОСЕРЕДИНЕ ГВОЗДИК.

Оптовые предприятия, действительно, снизили цены — но розничники воспользовались этим только для повышения прибыли. И, таким образом, возникли новые: оптово-розничные ножницы...

Заседали дни и ночи сто четырнадцать комиссий.
Обсуждались так и этак триста тридцать крайних мер.
От балансов,
От кадансов,
От трансмиссий,
От эмиссий
Пролилось воды... ну, прямо, хоть берись за водомер!
И спустили тресты цены.
И не ведая измены,
Зашумели, загремели про дешевку и кредит —
И пришел купец Семенов,
И отвесил сто поклонов,
И сказал, что это... точно .. так сказать... не повредит...
И от рыцарства избытку
Получив большую скидку,
Вытер пот и облегченно произнес:—Ну, то-то! Ф-фу!
Снял с души своей вериги —
И открыл в товарной книге,
В увеличенном размере, чистой прибыли графу.

И теперь газеты пишут о конфузе и скандале:
Для Семеновых мы, братцы, дни и ночи заседали!

А. А. А.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

Некий хитроумный администратор одного из малопосещаемых театров нашел верный способ поднять сборы.

Перенес кассу на галерку.

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

I.

ГОРДЫЙ ЧЕЛОВЕК

Он умел, как никто другой, пускать замысловатые колечки дыма и ловко, с особым цыканьем, плевал на два аршина, после каждой затяжки.

Но он не гордился этим.

Ему было всего тринадцать лет, и он самостоятельно торговал папиросами, появляясь то на углу улицы, то в давке рыночной толпы, где его голос деловито слышался на уровне боковых карманов.

Но и это не являлось источником его гордости. Кроме него были десятки и сотни таких же „трехнедельных удальцов".

Чем же питалась его невероятная гордость? Почему, — проходя мимо моссельпромовского табачного ларька, он с таким презрением косил глаза и на продавца, и на изящные коробки с папиросами?

Однажды он сам открыл секрет своей маленькой души.

Это произошло в тот день, когда он, в компании еще нескольких беспатентников, оказался в милицейском районе.

Беспатентник, ростом вдвое выше, искривив жалостливо лицо, шмыгал носом и ревел сиплым голосом, передавая милиционеру ящик с папиросами: — Дяденька, не буду...

Он же — этот удивительный гордый человек — сохранял презрительное спокойствие. Он не боялся, он ждал своей очереди и продолжал гордиться.

— Ну-ка, вытряхай свою лавочку! — обратились к нему: — Ишь козырем каким глядит! Это что у тебя за барахло?

Вся кровь бросилась ему в лицо — от такого оскорбления.

— Но-о! полегше! — пробасил он, с сознанием собственного превосходства: — Барахло! Это у других, может, барахло... Мы барахла не держим... Мы — заграничные...

Милиционер изумленно держал горсть дрянных папирос.

— Заграничные?!

— А то нет? Может, скажешь, — здешние, российские?

— Да какие же? — недоуменно спросил милиционер.

Он выдержал паузу и гордо ответил:

— Китайские.

Он гордился, что торгует китайскими папиросами.

II.

МАТЬ И СЫН

Сын жил в шумном столичном городе, — вечно спешащий, по-горло занятый делами.

Каждую неделю раз, среди адресованной ему почты, он находил узенький, непохожий на деловые, конвертик, надписанный тонким старческим почерком.

Это было письмо старухи-матери, жившей в провинции.

Торопливо он разрывал конверт, торопливо пробегал глазами строчки, сползавшие на концах книзу, и прежде всего старался отметить, так сказать, основные тезисы письма, откладывая детальное прочтение до более свободной минуты.

Но в свободную минуту он забывал буквально обо всём, что связано с канцелярией. Он забывал и об узеньком конверте среди казенных пакетов.

„Тезисы" писем? Почти всегда он находил одно и то-же: „Мне нужно согреться... Холод угнетает..."

И каждый раз немедленно отдавал распоряжение о переводе денег по телеграфу, одновременно извещая телеграммой:

„Заготовь запас дров точка жги не жалея точка исправны ли печи знак вопроса позови печника.

Андрюша".

Но приходило очередное письмо, — и торопливые деловито вглядывавшиеся глаза сына снова находили жалобу на холод. Он вспоминал, прикидывал, суммировал.

Выходило, по его расчетам, что на переведенные суммы мать могла приобрести (оптом, конечно, дешевле!) десять кубов березовых дров.

Странно! в чем же дело? Почему ж она продолжает мерзнуть?

Но дело в том, что ни разу он не дочитал жалобы до конца. Там было написано:

„Холод угнетает мою старую душу. Я одинока, милый Андрюша, а это очень тяжело на склоне жизни..."

III.

СМЕХ

Трамвай качало из стороны в сторону — от быстрого бега. На остановке груда человеческих тел, сжатых в проходе, по инерции валилась вперед.

Стоявшие наступали на-ноги сидевшим и говорили:

— Извиняюсь,

с таким видом, будто хотели сказать:

— Занял, прохвост, место! Рад за семь копеек к чорту на кулички ехать, чтобы другого не пустить!

Сидевшие старались показать, как они довольны своей судьбой и как им совершенно нет дела до остальных.

Атмосфера была пронизана обоюдною враждебностью обиженных и привилегированных.

Кондукторша была похожа на шубу, которую забыли упаковать в сундук и засовывают уже дополнительно, при чем очевидно, что места нет, а сунуть все-таки надо.

— Позвольте пройти, граждане...

— Да как же я позволю? Куда же я отодвинусь?! На колени, что-ли?!

И все-же шуба протискивалась.

Трамвай качало, груда тел валилась вперед, цепляясь за ремни, за сигнальную веревку, за воздух.

Ах, эти сердитые лица, со стиснутыми зубами!

Но вот раскрылась дверь с задней площадки, и неожиданно зазвенел резкий горловой голос мальчишки.

Каждое слово равномерно следовало за другим, без повышения и понижения:

— По́лный спи́сок переименованных улиц города Ленинграда, площаде́й, садо́в, мо́стов за́ три копе́йки. Расхватали — не берут.

И вдруг, и те, что стояли, и те, что сидели, — разом, словно по команде, обернулись к двери и засмеялись.

— За три копейки. Расхватали, — не берут.

Много ли нужно человеку, чтобы развеселиться?

Ив. Прутков

ОТВЕТ, НА КОТОРЫЙ НЕЛЬЗЯ ОБИДЕТЬСЯ

В зале суда

— А скажите, пожалуйста, чье это дело сейчас слушается?

— Не ваше дело...

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский гублит № 20325. Типо-Литография „Красный Печатник". Ленинград, Международный, 75. Тираж 50.000 экз.

534

САХАРНАЯ ГОЛОВА.

(Факт из газеты „На Вахте“).

Рис. Н. Радлова.

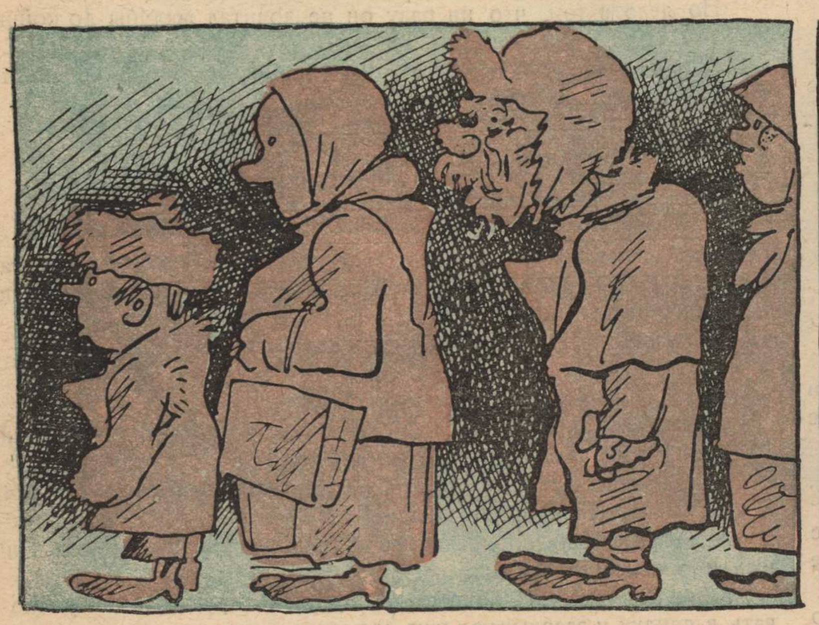
Водолив камской баржи № 5 С. П. Попов, человек пожилой, услышал, что в Н.-Новгороде, в магазине сахаротреста выдают сахар по 5 фунтов...

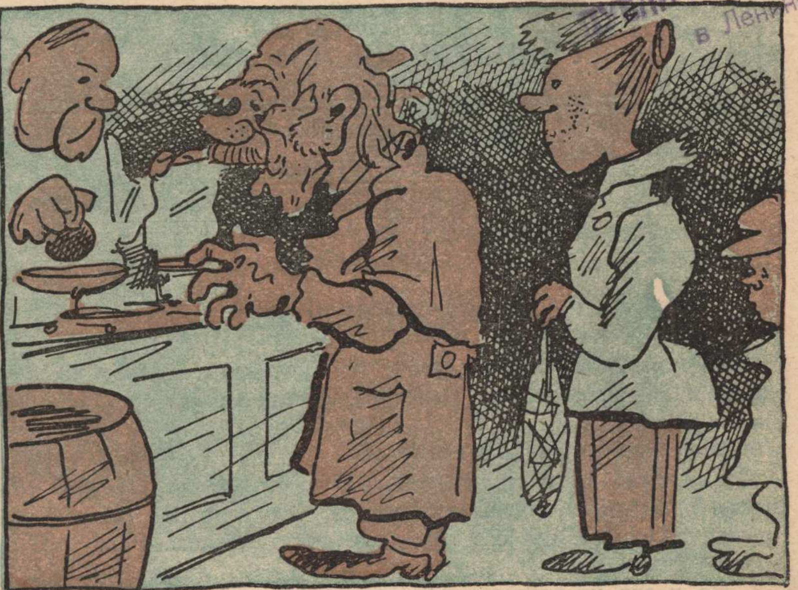
Получил пять фунтов. Еще хочется.

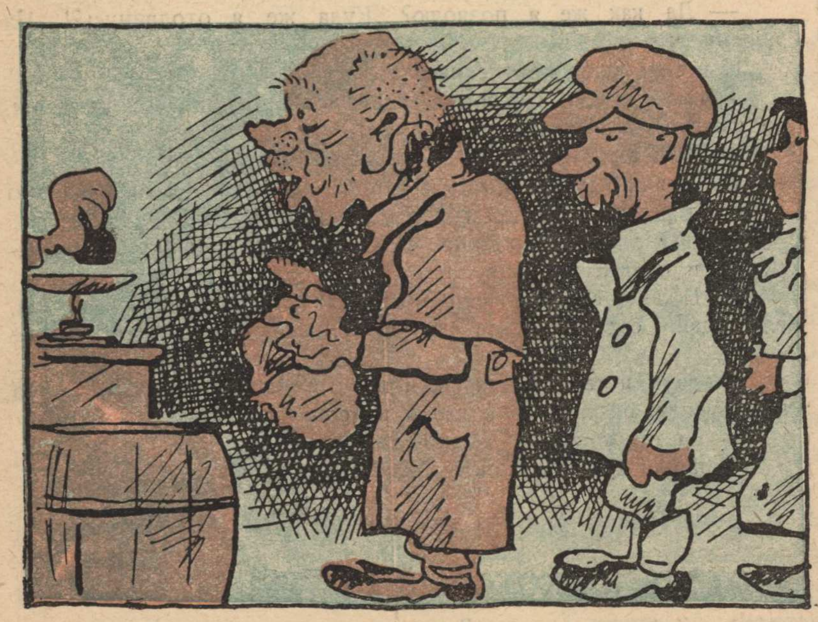
— А ну, — думает — обрежу бородёнку... Авось, не признают!.. Не узнали, выдали еще пять фунтов.

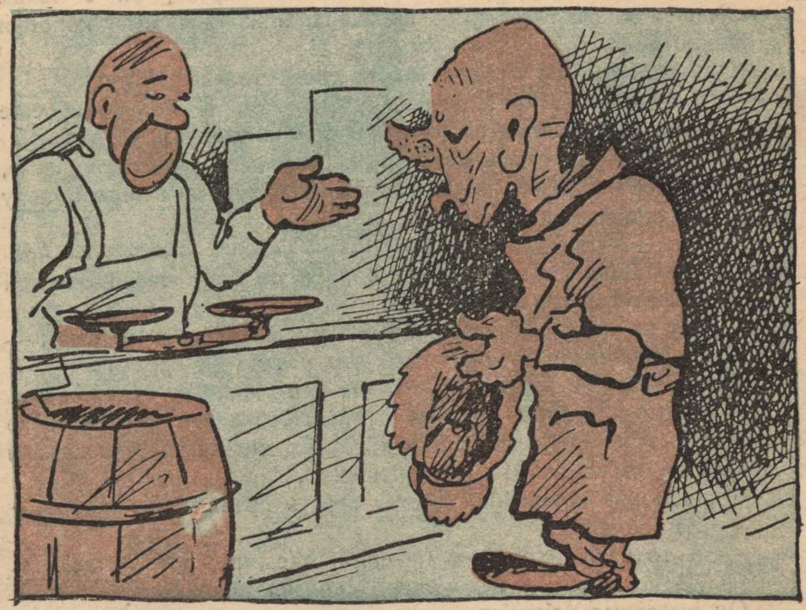
— Ах ты, мать честная! А ежели теперича баки долой?..

Срезал баки — дали еще пять.
— Вот — думает — ёлки-палки, какая простая механика...

— А ну-ка, сыму усишки... Снял — опять пять фунтов...
— Что ты скажешь: Тепереча маковку обрить да бровки скинуть...

Обрился до-чиста: и на голове, и над глазами — паркет. Поглядеть, так с души тянет от такого поганого вида И что-же? Сахар-то весь вышел... Больше не выдают!

Заплакал старичек. А чего же плакать?
Снявши волосы, по сахарной голове не плачут.